

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

КЛАД ТВЕРСКИХ БУНТАРЕЙ

Александр Александрович Тамоников
Клад тверских бунтарей
Серия «Спецназ Ивана
Грозного», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31512177
Клад тверских бунтарей: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-091607-8

Аннотация

Середина XVI века. В Твери найден клад, в котором среди прочих ценностей обнаружена знаменитая икона Божьей матери, привезенная из Афона и пропавшая во время восстания 1327 года. Государь повелевает доставить святыню в Москву... Однако не все согласны с царским указом. Тверской боярин Воронов считает, что не Москва, а Тверь должна владеть чудотворной иконой. Он подбивает лихих людей ограбить царский обоз. Завладев кладом, злоумышленники прячутся на болоте. Вернуть пропавшую реликвию поручено специальному отряду отборных бойцов под командованием князя Дмитрия Савельева. Но в последний момент планы князя становятся известны противнику...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	39
Глава 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Тамоников

Клад тверских бунтарей

© Тамоников А. А., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Август 1327 года. Тверь

Князь Александр Михайлович поужинал, помолился и сидел в гостевой комнате дворца, построенного его отцом, князем Михаилом Ярославичем. Неделию назад он вернулся из Сарай-Бату, столицы Золотой Орды. Город, расположенный в низовьях Волги, получил это название в честь внука Чингисхана, которого на Руси называли Батыем.

Александр Михайлович посещал орду, дабы заполучить не только Тверское, но и Владимирское княжество. Ордынский хан утвердил его. Казалось бы, цель достигнута, но отчего-то радости было мало. Напротив, тревога какая-то гнездилась в сердце.

Появился верный слуга Степан из рода Колановых. Он служил князю столько, сколько тот его помнил, и ни разу не подвел.

– Дозволь, князь.

– Входи, Степан. Что у тебя?

– Тут боярин Петр Григорьевич Васильев приехал, хочет говорить с тобой. Вот пришел узнать, не лег ли ты.

– Нет, рано еще. Пусть боярин войдет. И скажи там, чтобы квасу принесли.

– Добро, князь.

Слуга ушел, появился Васильев. Этот боярин был очень богатым человеком. Ему принадлежала почти половина земель Тверского княжества. На них стояло множество деревень. В это тревожное время Петр Григорьевич оставался едва ли не единственным местным вельможей, державшим сторону своего сюзерена.

– Вечер добрый, князь, – проговорил он.

– Добрый, Петр Григорьевич. Проходи, служба сейчас квасу принесет.

– С удовольствием откушаю. Твои люди на поварне делают отменный квас с хреном. Я своих посылал узнать, как да что, не сказали. Мол, не велено говорить. Ну и ладно. Ты меня всегда угостишь.

Степан принес квасу. Князь и боярин с удовольствием выпили его.

– Я что к тебе пришел, Александр Михайлович. Тут с орды вернулся купец новгородский, мой старый знакомец, по пути заехал. Сказывал, Чолхан, двоюродный брат хана Узбека, к нам собирается.

– Чолхан? – переспросил князь. – С чего бы это? Я видел его в Сарай-Бату, при нем с Узбеком разговаривал, ярлык на княжение получил. Когда выезжал, Чолхан вроде никуда не собирался. Хан Узбек хотел отправить своих людей на Москву, а к нам?..

Тревога внутри стала еще сильнее.

Боярин вздохнул и сказал:

– Кто ж его знает, Александр Михайлович.

– А чего у тебя сума нищенская на плече, Петр Григорьевич? Тебе ли с ней ходить, самому богатому человеку в княжестве?

– Спасибо, что напомнил. – Боярин достал из сумы какой-то предмет, завернутый в холстину, выложил на стол. – Это тебе, князь.

– Что это?

– А ты глянь.

Александр Михайлович развернул холст, ахнул, перекрестился.

– Господи, да это же!..

– Да, князь, это икона Божьей Матери, – подтвердил боярин. – Та самая, что с Афона похищена.

– Но как она у тебя оказалась-то?

– Случайно, само собой. Утром на подворье забрался какой-то оборванец с этой самой сумой. Мои холопы гнать было его принялись, а он упал на землю и завопил, мол, к боярину мне надо. Дело важное и вельми срочное. Тут я вышел во двор. Тот нищий завидел меня и пополз к ногам. Дескать, не гони, боярин, а возьми это. И протягивает суму. Я спросил, что там? Он: «Погляди, боярин». Я ключнику велел забрать суму. А нищий вскочил и кинулся бежать со двора. Да так проворно, что холопы мои и моргнуть не успели. Кинулись вдогонку, куда там, исчез нищий. Я забрал у ключника суму – и в дом. В горнице глянул, вижу, что-то завернутое

в холст. Развернул и так же, как ты, ахнул. Даже застыл от удивления и растерянности. Как пришел в себя, стал думать, что делать. А тут сказали мне, что ты вернулся. Вот и принес.

Александр Михайлович бережно завернул икону в холст, положил на лавку и сказал:

– Надо ее в монастырь передать.

– Я бы не спешил на твоём месте, князь, – заявил боярин.

– А чего ждать-то, Петр Григорьевич?

– Икону надо вернуть туда, откуда она была похищена. А для того послать на Афон надежного человека.

– Да где же такого взять?

– Найду. В Новгороде Великом есть люди, которым можно довериться.

– Уж не купец ли твой?

– Один из них. Но куда пусть у тебя икона побудет. Поначалу надо обо всем договориться.

Тверской князь кивнул и сказал:

– Хорошо, пусть побудет. Да простит меня Господь за то, что спрячу икону, а не поставлю в киот. Причины на то веские.

– Ну вот дело и сделано. Дождусь Чолхана, а как уберется он обратно в орду, поеду в Новгород. Там и определюсь, кто повезет икону.

– Но надо будет как-то объяснить, откуда она у нас.

– Не у нас, Александр Михайлович, а у тебя. Я мог и сам ее на Афон отправить, но мне слава ни к чему. А вот тебе

она нисколько не помешает. Афонские старцы вельми благодарны тебе будут за возврат иконы. Это дело немалое. О том повсюду узнают, и положение твое укрепитя. А откуда она у тебя? Так тут любую историю придумать можно.

– Ладно. А когда Чолхан собирался из Сарай-Бату выезжать?

– Того не ведаю. Купец говорил, что к поездке вроде все готово было.

– И чего ради он сюда едет?

– Мыслю, что Узбек посылает его поглядеть, как ты править тут начнешь, дабы убедиться в том, что выбор сделан правильный.

Тверской князь погладил бороду и проговорил:

– Я в орде слышал, что Чолхан сам желал встать на княжение во Владимире и Новгороде. Однако хан Узбек принял иное решение. А вот теперь он посылает двоюродного брата в те самые земли, которые не отдал ему. Как это понять?

– Не мне тебе говорить, князь, что в орде принимается немало странных решений. Когда уже мы избавимся от этого ига? Ничего без ордынцев сделать нельзя, повсюду их глаза и уши.

– Придет время и сбросит Русь иго. Орда уже не та, что ранее. Беки и мурзы рвут ее на части, каждый желает получить свой лакомый кусок. Узбек – это не Батый. Но ладно, хватит о них речи вести. Покуда мы под гнетом орды. Такова воля Господа. Будем повиноваться ей.

– Плохо, что посол ордынского хана к нам едет. А то, что это Чолхан – еще хуже. То, что не позволено другим, ему разрешено. Он до баб охотник большой. Случалось, от мужей жен уводил, насильничал, и все сходило ему с рук, потому как очень уж милостив к нему хан Узбек. Они ведь близкие родственники. И свита Чолхана ему под стать. Непростые времена ждут Тверь.

– Ну, может, и обойдется.

– Хорошо бы. Только Чолхана не изменить. Русский люд для него то же самое, что скот. Коня он выше ценит, чем нашего человека.

– Что тебе на это сказать, Петр Григорьевич? Такова наша горькая участь. Не объединились вовремя, не дали отпор ордынцам, вот и терпим теперь обиды да разорения.

Боярин поднялся.

– Пойду я, Александр Михайлович.

– Я провожу.

– Не стоит. Дорогу знаю. А ты припрячь икону надежней. Не дай бог про нее Чолхан прознает. Тут же заберет, чтобы продать тем же монахам. Икона наша для них не святыня, а дорогой товар. Цену ему татарин ведает получше нас с тобой.

– Ступай, Петр Григорьевич, да сам не проговорись об иконе.

– О том не беспокойся. Спокойного сна тебе.

– Тебе так же.

Васильев ушел.

Слуга проводил его и вернулся узнать, будут ли на сегодня еще какие-то указания князя. Обычное дело. Так бывало каждый день, когда они находились дома, а не в пути, не в орде.

– Зайди-ка, Степа, – повелел Александр Михайлович.

Коланов прошел в палату.

– Слушаю, князь.

– У тебя есть надежное место, чтобы спрятать там одну ценную вещь?

– У меня изба малая. Там жена и пятеро детишек. Зимой, коли не самый лютый мороз, то и топить не надо. Надышим так, что хоть проветривай. Во дворе кадка для воды да клеть пустая. Может, зерна немного прикуплю и завезу туда. Не все же время у тебя просить.

– Голодным не останешься. Значит, нет нужного места?

– Так у тебя, в доме твоём подвалы крепкие. В них целый обоз можно спрятать.

– Да, но об этом знают все, а мне нужно место тайное, чтобы ведали о нем только я да ты.

– Это, конечно, льстит, но нету, князь. Хотя...

Князь взглянул на слугу.

– Что хотя, Степа?

– Вырыть тайник в клету можно. Но только смотря что в него класть. Глубоко не получится, вода подземная близко.

– На аршин в длину и ширину возможно? Даже меньше.

– Можно.

Александр Михайлович оживился.

– Так, Степа, ныне же ночью соорудить тайник! Землю из клетки вынести и в реку. Внутрь камень. Сверху положить крышку, но так, чтобы ее видно не было. Потолще, дабы держала на себе человека, а тот и подумать не мог, что стоит не на земле. Утрамбовать все, потом прикрыть тайник разным хламом.

Слуга почесал затылок.

– За ночь? Выкопать-то можно, земля мягкая, а вот к реке ее таскать опасно будет. Собаки лай поднимут, кто-нибудь из оконца высунется. Пойдет слух, что я какие-то мешки к реке таскал. Замучают расспросами.

– Что предлагаешь?

– Ночью сделаю тайник, после возьму телегу да вывезу землю днем, когда народ при делах будет. От моей избы до Тьмаки недалече. Ссыпать можно супротив омута. Там место глухое. Ребятня купаться не бегают, рыбаки неводы да бредни не таскают, сети не ставят. Берег камышами зарос.

– Добро, делай так, – согласился князь. – Телегу и лошадь у управителя возьмешь. А дабы вопросов не было, скажешь, что я повелел дать тебе пять мешков муки.

– Вот он подивится. За какие такие заслуги пять мешков муки?

– Это его не касается. Ты только скрытно тайник делай. Так, чтобы ни жена, ни детишки ничего не знали. О кладе должны ведать только мы с тобой!

– Все как надо сделаю, князь.

– Ступай!

– Доброй ночи тебе!

Отправив слугу, Александр Михайлович задумался. В голове его кружили мысли о том, почему Узбек послал в Тверь Чолхана почти сразу после утверждения князя на престоле. Что за этим стоит? Может, хан отправил Чолхана не только в Тверь, но и в другие княжества? Побудет Чолхан во Владимире, в Твери, отправится в Новгород, Псков, оттуда двинет в Смоленск, Рязань, на Москву?

Но что-то подсказывало Александру Михайловичу, что добром эта миссия не закончится. Причин для таких выводов у него вроде бы не имелось, однако на душе было неспокойно. Что-то будет. А вот что? Этого сейчас сказать не мог никто.

Князь опустился на колени перед образами, долго молился. Затем он прошел в опочивальню, где все было готово ко сну. Постель разобрана, простыни белоснежные, мягкая перина взбита, одеяло легкое, как раз для летнего времени.

Князь лег, но уснуть не мог. Прежние мысли о приезде ордынского посла сверлили мозг. Александр Михайлович промаялся до утренних сумерек, когда на улице пошел мелкий дождь, а потом наконец-то забылся, провалился в беспокойный сон.

Через двое суток в городе поднялся шум. Во Владимирские ворота въехали нукеры, охранявшие ордынское посоль-

ство. Их было немного, всего с десяток, но шумели они как несколько сотен. Ордынцы свистели, улюлюкали, угощали кнутами встречных мужиков, баб, подростков. Каждый такой удар вызывал у них столько радости, словно они получали за него по монете.

Передовой отряд подъехал к дворцу и окружил его. Княжеская стража мигом растворилась внутри. От ордынцев можно было ждать любой беды. Хозяева!..

Следом за передовым отрядом через мостик, переброшенный надо рвом, во Владимирские ворота втянулся закрытый, богато украшенный возок. За ним следовали телеги с дорожными припасами. Замыкал шествие еще десяток нукеров.

Возок тоже прокатился до дворца, на крыльцо которого вышел Александр Михайлович. Слуга Чолхана спрыгнул с коня, открыл дверку повозки. Из нее выбрались ордынский посол и еще какой-то вельможа, которого тверской князь не знал.

Александр Михайлович поприветствовал незваного гостя:

– Рад видеть тебя, Чолхан.

Тот рассмеялся и спросил:

– Рад, говоришь? А где ваши знаменитые хлеб да соль?

– Ты неожиданно приехал. Мы не приготовились. Если бы ты заранее прислал гонца, я все устроил бы так, как надо.

– Нечего вести пустые речи, – заявил Чолхан и указал на

попутчика. — Это мурза Кульбеди, мой товарищ и родственник. Для тебя он такой же господин, как и я.

Князь опустил голову и сказал:

— Я понял тебя.

— Веди в свои хоромы. Да прикажи холопам баранов резать, мясо жарить. Пусть выбирают молодых, самых жирных. Мы устали и проголодались.

— Милости прошу.

Князь хотел было пойти вперед, но ордынцы обогнали его и первыми вошли во дворец. Под руку Кульбеди подвернулся служка.

Тот стеганул его кнутом, добавил ногой и выкрикнул:

— Прочь с дороги, свинья!

Парень, корчась от боли, шмыгнул в первую попавшуюся комнату.

Ордынцы прошли в главную залу, где князь устраивал приемы, проводил встречи с иноземцами и своими купцами, обсуждал с местной знатью городские дела.

Чолхан расстегнул халат и сел в княжеское кресло. Рядом с ним устроился мурза Кульбеди.

— Дивишься, князь, что я приехал? — спросил Чолхан.

— Дивлюсь. В Сарай-Бату разговора об этом не было.

— Там происходит много того, что непонятно вам, урусам. Тверь задолжала хану. Ты должен собрать дань и передать мне.

— Но я еще не вступил в должность.

– Тебе для этого год нужен?

– Нет, но и не один день.

Чолхан махнул плеткой и заявил:

– Вступить всегда успеешь. Ты получил ярлык великого князя Владимирского. Тверь тоже твоя. Значит, должен собрать дань. Ее размер обговоришь с Кульбеди. Но долг ты должен вернуть сполна. Хан Узбек – мой двоюродный брат. Он поставил тебя на княжение. Оправдай его надежды.

– Это будет не так просто и займет время.

Чолхан, поигрывая плетью, усмехнулся и заявил:

– А мы подождем. Неделю. Да, Кульбеди?

Мурза процедил сквозь зубы:

– Неделю много. Трех дней хватит.

– Это смотря как нас тут привечать будут. Да, князь Александр?

– Ты насчет чего?

– Насчет гостеприимства.

В гостевую палату заглянул ключник Сергун.

– Прощу прощения, князь. Нукеры вельмож ордынских безобразят. Катюху, дочь поварихи, в клеть затащили и насильничали.

Кульбеди поднялся.

– Ты что, пес, жаловаться пришел?

– Нет, мурза, я просто сказал, что происходит на дворе, а зашел узнать, где разместить ваших славных нукеров.

– В гостевом доме... – начал было Александр Михайло-

вич, но Чолхан прервал его:

– С каких пор ты получил начало над моей личной охраной?

– Но разместить-то ее где-то надо, принять как дорогих гостей.

– Это верно. Но где им быть и что делать, буду решать я. А дочь поварихи сама виновата, нечего перед воинами задом вертеть. Получила то, чего хотела. Пусть радуется, что жива осталась, и собирает манатки. Она поедет с нами, станет наложницей того нукера, который первым имел ее.

– Отец ее строгих правил, Чолхан.

– А при чем здесь отец этой подстилки?

– Не надо будить гнев в людях.

– Что? – воскликнул Кульбеди. – Гнев? Ты называешь людьми тот скот, который живет здесь?

Чолхан понял, что его товарищ погорячился и сказал не то.

– Охолонись, Кульбеди, – заявил он. – Конечно же, здесь живут люди. Они работают на нас. В этом смысл их жизни. – Чолхан повернулся к князю и приказал: – От отца девицы откупишься. Дашь столько, сколько нужно. А коли взбрыкнет, всю семью в Сарай уведем. С этим покончено. Где кушанья?

– Посмотри, что с обедом для наших гостей, – сказал князь поникшему ключнику.

– Слушаюсь. А как насчет размещения нукеров?

– Ты что, пес, не понял? Я буду решать, где им встать, – заявил Чолхан. – Но сперва поем, а ты покормишь моих воинов. Пошел вон! И чтобы еда была скоро!

С ордынцами кое-как разобрались. Часть их вышла на охрану дворца, убрав русскую стражу. Остальные нукеры устроились в комнатах гостевого дома, большого, вместительного, уютного.

Чолхан пожелал занять опочивальню князя. Александру Михайловичу пришлось подчиниться.

После обеда, пока ордынцы отдыхали, князь повелел созвать бояр и купцов. Собрались все быстро. Весть о прибытии ордынского посольства облетела округу молниеносно.

Князь Александр огласил требование хана.

– Но это грабеж, Александр Михайлович! – заявил боярин Васильев. Шесть лет назад мы уже собирали дань.

– Да, собирали, но ты, Петр Григорьевич, видимо, подзабыл, что потом было. Мой старший брат Дмитрий передал дань московскому князю Юрию, женатому на младшей сестре хана Узбека. Юрий должен был передать дань ордынцам, но отвез ее в Новгород и через купцов пустил на продажу. За это Дмитрий зарубил его и сам был казнен в Сарай-Бату. Дань не попала в орду, значит, мы должны платить.

– Но это, переводя на серебро, более двенадцати пудов. Где взять столько? – воскликнул другой боярин. – Половину мы с горем пополам собрали бы, но не всю дань. Или придется отдавать ее людьми. А что может случиться, пойдя мы

на такой шаг? Бунт, вот что. Он сметет и ордынцев, и нас, погубит Тверь, позволит возвыситься Москве.

Князь повысил голос:

– Мы должны собрать новую дань и сохранить наше положение супротив желания Москвы. Надо напрячь все силы и заплатить. Иначе Тверскому княжеству не быть. Ищите, бояре, по закромам, вытаскивайте из тайников золото и серебро, смотрите, каких холопов отдать можете.

Молодой боярин из рода Вельковых усмехнулся и заявил:

– Да еще подношение в дар приехавшим вельможам надо приготовить. От них серебряным подносом не отделаешься, запросят много.

– Да, с этим тоже придется разбираться. Надо немедленно начать сбор дани. Ордынцы оставят нас в покое и уйдут, как получают то, что затребуют.

– А размер дани остался прежним? – спросил Вельков.

– О том я еще буду говорить с мурзой Кульбеди.

– Это тот черт, который с Чолханом заявился?

– Да.

Поднялся какой-то купец.

– А ты, князь, ведаешь, что татары насильничали Катюху Прохорову? Отец ее Евсей поклялся отомстить за честь дочери!

– Знаю, что Катьку насильничали, а вот о помыслах Евсея слышу в первый раз. Допустить стычки никак нельзя. Посему велю Евсея посадить в темницу до отъезда ордынцев.

– А как быть с Каткой? Люди говорят, она хочет руки на себя наложить.

Князь вздохнул и сказал:

– Придется отдать ее в наложницы ордынцу, который первым насильничал ее. Иначе не выживет.

– Так она и без того жить не желает.

– Ну что я могу сделать? – в отчаянии выкрикнул Александр Михайлович.

– Пусть вешается. Хоть не познает доли рабской, – тихо сказал Вельков.

– Все! – Князь взял себя в руки. – Собираем дань. Я постараюсь убедить ордынских вельмож убавить ее либо разложить по частям. Сейчас отдадим большую долю, а следующей весной, скажем – все остальное.

– Ну, старайся, Александр Михайлович, на то ты и князь, – сказал боярин Васильев и направился к выходу.

За ним пошли другие. Зала опустела.

Вскоре в нее вошел Кульбеди.

Тверской князь этого не ожидал. Он считал, что мурза спит без задних ног, как и остальные ордынцы. Ан нет, оказывается, тот бодрствовал. Почему?

Ответ князь получил тут же.

– Давай определимся с размером дани, – заявил Кульбеди.

– Да, это надо решать в первую голову.

– Размер прежний, плюс достойное подношение царю Узбеку, Чолхану и мне. Золотом.

– Сколько?

– Царю Узбеку три гривы, Чолхану две, мне одну. И пару наложниц. Впрочем, этим я займусь сам.

– Хочу предостеречь тебя, мурза. Люди в городе недовольны поступками ваших нукеров. Еще неизвестно, как удастся утихомирить шум вокруг насилия над дочкой поварихи. Ты бы приказал своим нукерам не безобразничать, – сказал Александр Михайлович.

Кульбеди заносчиво поднял голову и заявил:

– Мы ваши хозяева и будем делать все, что захотим. Не тебе указывать, что нам можно, а что нет. Твоя забота – собрать дань. Вот этим и занимайся. – Мурза вышел из залы.

Появился слуга.

– Что-то вид у тебя, князь, не очень хороший. Печальный.

– Чему веселиться-то, Степан?

Слуга вздохнул.

– Это так. Воистину нечему. Я зашел сказать, что тайник готов. Землю вывез, затопил в омуте реки Тьмака. Никто ничего не заметил. Пойдешь посмотреть?

– Ты, Степан, ночью будь во дворе своей избы. Я приду. Тогда и посмотрим, и спрячем кое-что.

– Ты? Ночью? Сам?

– И даже без охраны.

– Но это опасно, князь.

– Не опасней, чем находиться рядом с ордынцами.

– Да уж, подвалили они на нашу голову. А правда, что

новую дань собирать будем?

– Будем. Больше ни о чем не расспрашивай. До вечера делай свои дела здесь. Потом, как все уснут, жди. В полночь приду.

– Да, князь.

Ночью князь тайным ходом покинул дворец и прошел на посад, к дому слуги. Тот ждал, как ему и было велено, встретил своего господина, провел его в клеть, зажег факел. Сколько ни приглядывался Александр Михайлович, но тайник так и не заметил.

– Ты на совесть потрудился, Степан.

– Как же иначе? Ясно, что дело серьезное, коли сам князь слуге своему велит тайник делать.

– Где он?

– Рядом с тобой.

Князь посмотрел под ноги и опять ничего не увидел.

– Не тьяни, Степан!

Тот смахнул с пола солому, дернул за огрызок какой-то веревки. Слева от князя поднялась крышка. Под ней скрылась яма, отделанная камнем, с несколькими деревянными стойками, глубиной в аршин с лишним, столько же по ширине и длине.

– Хорошо! – оценил князь и достал из-под кафтана довольно большой, тяжелый сверток, передал его слуге и приказал: – Прячь это, Степан.

Коланов лег у ямы, опустил туда руку, аккуратно уложил

сверток, сверху накрыл его старым, рваным тулупом, встал, захлопнул крышку, притрусил ее соломой.

– Запоров нет? – спросил князь.

– Есть, Александр Михайлович. Под кладкой обломок копыя. Упирается в выступ. Со стороны посмотреть – обычное древко. Никому не нужное, потому как сломано у наконечника. А если сдвинуть его наперед до конца, то крышка замкнется снизу.

– А как открыть?

– Надо дернуть за веревку, как я и сделал. Но кому тут тайник искать?

– Потому я и велел сделать его у тебя.

– Извиняй, князь, в холстине что-то ценное?

– Бесценное, Степан.

– Каждая вещь имеет цену, князь.

– А вот скажи, какова цена жизни?

– Чего?

– Жизни!

– Ну, это другое дело.

– Так вот считай, что у тебя в клети сама жизнь и запрятана.

– Мудрено говоришь, Александр Михайлович.

– Как есть. Но все, мне пора возвращаться.

– Проводить?

– Нет, дойду сам. Одному проще.

– Лишь бы тебя нукеры Чолхана не приметили. Эти черти

глазастые.

– Ничего, сумел выйти тайно, смогу и вернуться.

– Удачи тебе, князь. Береги тебя Господь!

– С утра быть во дворце!

– Само собой.

– О тайнике никому, Степа! Да, в нем сама жизнь, но она может обернуться лютой смертью.

– Помню.

– Глянь во двор.

Тверской князь убедился в том, что никого во дворе не было, вышел на улицу и направился к кремлю. Около двух часов пополуночи он уже спал.

Утром пятнадцатого августа князь со всем православным людом собирался на молитву в каменный Спасо-Преображенский собор. Сегодня отмечался день Успения Богородицы.

В это время в гостевую палату, где в княжеском кресле восседал ордынский посол, явились мурза Кульбеди и десятник нукеров Абдуллах.

Кульбеди приветствовал начальника и сказал:

– Чолхан, я прошу разрешения выехать на посад.

– Зачем? – спросил ордынский посол.

– Размяться, посмотреть, как сбор ясака идет.

Чолхан усмехнулся.

– Кого ты хочешь провести, Кульбеди? Баб собираешься посмотреть, взять какую-нибудь в наложницы.

– А хоть и так. Не имею права?

– Имеешь. Может, так и надо поступить, дабы поторопить князя со сбором дани. Ты говорил с ним насчет ее размера?

– Говорил. Дань прежняя. Еще подношения Узбеку, тебе и мне.

– Какие же?

– Три гривы царю Узбеку, две тебе, одну мне. Золотом.

– И князь согласился?

– А он мог отказаться? Князь созвал сход, на нем решили начать сбор дани.

– Хорошо. Ладно, езжай, но особо не лютуй.

– Для тебя наложницу найти?

– Если только пышную молодку. Ты знаешь, каких баб я люблю.

– Знаю.

– У мужей жен не отымать, как и девиц у родителей.

– Искать сирот да вдовиц?

– Лучше так. Хотя ладно. Делай все, что хочешь. Мы здесь хозяева. Урусы – наши рабы, тот же скот.

– Это другое дело.

Чолхан повернулся к Абдуллаху.

– А тебе что?

– Я тоже с просьбой.

– Говори.

– Дозволь с десятком выехать за город, поохотиться.

– Охота? Ну что же, нукеры не могут долго сидеть без де-

ла. Только охрану оставь.

– Конечно, Чолхан. Один десяток поедет за город, другой при дворе останется.

– Хорошо. Что еще?

Больше ни мурзе, ни десятнику ничего не было надо. Они вышли.

Кульбеди подозвал нукеров из охраны дворца:

– Хамза, Назир!

Ордынцы подошли, поклонились.

– Поедем на посад.

Воины переглянулись.

Кульбеди усмехнулся и заявил:

– Погуляем немного.

– Так это мы с удовольствием, мурза! – воскликнул Хамза.

– Коней седлать!

– Слушаюсь! Только один вопрос.

– Ну?

– Десятник Абдуллах знает, что ты забираешь нас?

– Ему не до того. И потом, кто выше по положению, я или Абдуллах? Но если вы без личного разрешения десятника шагу ступить не можете, то оставайтесь, я других возьму!

– Нет-нет, мурза, мы поедем.

Они привели коней.

Потом все трое двинулись к посадку вдоль берега реки Тьмака. К этому времени почти все жители Твери вернулись в свои дворы. Никто не работал, праздник.

Ордынцы встали посреди улицы и осматривались, как хищники в поиске добычи. Так оно на самом деле и было.

Из проулка на улицу вышла женщина лет тридцати необычной красоты. Она была в праздничной одежде, голову накрывал платок, из-под которого выбивались пряди густых русых волос.

Ордынцы зацокали языками.

– Хорошая бабенка, – проговорил Хамза. – Я бы такую взял себе.

– А ну помолчи! – оборвал его Кульбеди.

Ему самому понравилась эта женщина. Не девица, конечно, но от такой получишь больше наслаждения, потому как она знает толк в любовных утехах.

Он направил коня к ней, но женщина завидела ордынцев, прошмыгнула в калитку ближнего двора и исчезла в доме.

Мурза усмехнулся и приказал:

– Хамза, со мной в дом, куда вошла баба! Ты, Назир, – в соседний двор.

Ордынцы спешили, привязали коней к изгороди. Кульбеди и Хамза зашли в ближний двор. Назир отправился в соседний.

Хамза ударом ноги выбил дверь. Мурза и нукер через сени дошли до комнаты.

Там у печи, обнявшись, сидели та самая баба, ее дочь лет тринадцати и престарелый мужик с округлой бородой, непрерывно кашляющий.

Кульбеди встал посреди светлицы, расставил ноги, поигрывал кнутом.

– Так у вас принимают дорогих гостей? – спросил он и усмехнулся.

Старик чрез кашель проговорил:

– Век бы не видеть таких гостей.

– Дерзок, смотрю, ты урус. Не надо так, себе хуже сделаешь. – Он поднял кнут, указал им на женщину. – Ты пойдешь со мной!

– И куда?

– Куда скажу, туда и пойдешь. Ты теперь моя наложница.

– А больше ничего не хочешь?

– И ты дерзишь. Это плохо. – Он повернулся к Хамзе и распорядился: – Забирай молодую девку, тащи во двор, там свяжи да кляп в рот вбей. Поведем ее к Чолхану.

Нукер двинулся к печи. Тут старик показал завидную храбрость и проворность. Он сорвался со скамьи, схватил вилы, стоявшие за ней.

– А вот я вас, басурмане проклятые!

Кульбеди на миг оторопел, отступил к Хамзе, но тут же пришел в себя, выхватил кривую саблю и одним ударом снес голову старику. Тот упал к оконцу, забился в судорогах.

Женщина и девчонка закричали.

– Хамза, делай, что сказано, да рот закрой этой твари! – распорядился мурза.

Нукер накинудся на девушку, выволок ее во двор. Мать

схватила те же самые вилы, попыталась догнать их и защитить дочку. Но Кульбеди уже вошел в раж. Ударом сабли он сбил с ног несчастную женщину. Он оборвал завесу за печкой, обтерся, сел на лавку, несколько минут тяжело дышал, приходил в себя, потом вышел во двор.

Там лежала девчонка, связанная по рукам и ногам. Нукера рядом не было. Плетень, за которым располагался соседний двор, был проломлен.

Кульбеди двинулся туда, вошел в дом, споткнулся о тело мужика, изрубленного саблей, и едва не упал. Чуть дальше лежали две молодые женщины, тоже мертвые. Назир стягивал какой-то тряпкой бок, задетый ножом. Хамза вытирал кровь со своей разбитой физиономии.

Мурза сплюнул на пол.

«Да, натворили мы дел. Уже пять трупов. Ну да ничего. Девка, которую мы захватили, смягчит гнев Чолхана».

– Идем в соседний двор! Хамза, кидай там на своего коня девку, и галопом летим в кремль! – распорядился он.

– Может, дома подожжем, мурза? – предложил Назир.

– Нет. Ветер от реки. Загорятся эти, возьмется улица, а потом и весь посад. Этого Чолхан нам уже точно не простит. Уходим!

В это же время десятник Абдуллах со своими нукерами выехал из кремля через Васильевские ворота. У мостика за рвом он остановился. Надо было определить, куда ехать. В леса или в поле.

Мимо проходили жители, задержавшиеся в храме. Абдулла решил спросить первого попавшего мужика, куда лучше направиться, но тот отмахнулся. Это взбесило десятника. Он ударил кнутом мужика, а потом и какого-то старика, подвернувшегося под руку. Это вызвало ропот среди жителей.

Тут из ворот вышли восемь мужиков крепкого телосложения. Явно ратники, которые сейчас были отстранены от службы. К ним подбежал какой-то мальчонка и начал что-то рассказывать, взмахивая руками. Мужики насупились, помрачнели, гневно взглянули на ордынцев.

Это пришлось не по нраву Абдуллаху.

– Чего встали, свиньи? Идите куда шли, пока живы.

– А не много ли берешь на себя? – спросил один из этих мужиков, видимо, старший среди них.

– Ты что сказал? – Абдуллах повел на него коня.

В это время из ворот появился боярин Вельков. Следом за ним шел дьякон Дюдько. Он вел молодую кобылицу на водопой к реке Тьмака.

Вельков подъехал к Абдуллаху и осведомился:

– Что случилось, десятник?

– Это ты у своих свиней спроси, боярин.

– Это не свиньи, а ратники.

– Так закрой им пасти, а то!..

Старший ратник подошел ближе.

– А то что?

Боярин обратился к нему:

– Егор, успокойся. Не надо задирать ордынцев.

– А ты знаешь, боярин, что они сейчас наделали на Посаде?

– Знаю, но то были другие ордынцы. С теми Александр Михайлович разбирается. Ступайте своей дорогой и сидите по домам, покуда на службу не вызовут.

– Что, вот так и будем терпеть обиды?

– Придется, Егор. Недолго.

– Ладно. – Старший повернулся к товарищам. – Домой идем, мужики.

Ратники отошли, отъехал боярин Вельков.

Тут внимание Абдуллаха привлекла кобыла дьякона.

Он цокнул языком.

– Ох, хороша! Подвести ее под моего Батыра, знатные жеребцы вышли бы.

– Так забери ее, Абдуллах. Чолхан говорил, Тверь дань не выплатила, вот и возьми, – сказал кто-то из ордынцев.

– А что? И заберу, пожалуй.

Дьякон держал кобылу за узду, опасливо озирался.

Абдуллах соскочил с коня, подошел к нему:

– Хороша!..

– Да, неплоха, – сказал дьякон.

– Отдай!

– Чего это? Моя лошадь.

– Нет. Теперь моя. Отдай и иди.

– Не отдам.

Абдуллах взмахнул кнутом. Из рассеченной щеки дьякона брызнула кровь. Десятник вырвал узду, кобыла дернулась, но он удержал ее.

– Мужики! Гляди, чего творят басурмане. Грабят среди бела дня, – крикнул дьякон ратникам не успевшим уйти далеко.

Вельков попытался вмешаться, но было уже поздно. Поступок Абдуллаха взорвал ратников. Они похватили колы, сложенные вдоль дороги для укрепления мостка, и бросились на ордынцев. Те выхватили сабли.

Но кол в этом случае лучше. Выставил его перед собой, и ордынец тебя не достанет, сколько бы ни махал своей саблей. Двинешь вперед, так и с коня скинешь. Татарин сам налетит и сверзится с седла. Добивай только.

Так вышло и на этот раз. Мужики в момент сбили всадников на землю и молотили колами, покуда не забили до смерти. Двое, в том числе Абдуллах, избежали бойни и рванули обратно в кремль. Но тут же не сдержался боярин Вельков, молодой, крепкий воин.

– А будь проклято племя басурманское! – выкрикнул он, выхватил саблю и снес голову Абдуллаху.

Последний ордынец выставил щит, но Михайло Вельков обманул его. Он замахнулся сверху, а ударил в живот, пробил легкую кольчужку. Татарин взвыл от боли, бросил оружие, грохнулся на мостик и завертелся от дикой боли. Вельков рубанул его по шее.

Подбежали ратники.

– Что ж теперь будет, Михайло Андреевич? – спросил старший.

– А теперь бей ордынцев! Терять нам нечего.

Чолхан с Кульбеди вышли на крыльцо, увидели разъяренную толпу, вооруженную чем попало, ринулись обратно во дворец и пробежали до гостевой палаты.

– Князь! Князь!

К ним вышел Александр Михайлович.

– Что кричишь, Чолхан?

Посол был бледен.

– Там твои люди. Они идут сюда с оружием.

– Говорил тебе, не след баловать.

– Спаси, князь, все прощу. Награжу.

Александр Михайлович пошел навстречу людям. Те были уже на входе в коридор.

Княжеская охрана увидела серьезную угрозу, проявила благоразумие и разбежалась.

Тверской князь поднял руку.

– Остановитесь! – Он увидел Велькова. – Стой, боярин!

– Ну нет, Александр Михайлович! Теперь уже поздно, доигрались басурмане. Любому терпению пришел конец.

– Это нам всем будет конец, когда в Сарай-Бату узнают о гибели Чолхана. Не трогай его. Тогда, глядишь, еще обойдется.

– Не обойдется. Это он сейчас такой покорный, потому

как жизнь уберечь желает, а отъедет до ближнего города, где стоят басурмане, соберет рать и вернется. Да еще над нашими трупами глумиться будет. Отойди, Александр Михайлович, не доводи до греха.

В коридоре объявился боярин Игнатьев.

— Князь, весь посад поднялся. Люди в кремле, ловят нукеров Чолхана и забивают на месте. Это бунт, Александр Михайлович.

Тверской князь опустил голову и проговорил:

— Этого я и опасался. Ну что ж, чему быть, того не миновать. — Он отошел в сторону.

Ратники во главе с боярином Вельковым бросились в гостевую палату. Завизжали ордынцы. Их потащили во двор, где гудела толпа.

Когда ратники и боярин Вельков вывели Чолхана с Кульбеди, народ взревел и бросился на них. Ордынские вельможи были разорваны на куски и брошены на корм собакам.

Хамзу и Назира тверичи взяли на берегу Волги. Они пытались бежать на лодке. Кто-то узнал в них убийц жителей посада. Впрочем, их смерть была не мучительней той, которой они подвергли свои беззащитные жертвы.

К полудню с отрядом Чолхана было покончено. Но люди не расходились.

Александр Михайлович опять сидел в кресле, которое недавно занимал Чолхан. Он пребывал в глубокой задумчивости.

Народный бунт неминуемо вел за собой тяжелые последствия. Вопрос состоял лишь в том, когда они наступят. Как скоро весть о том, что тверичи извели Чолхана со свитой, дойдет до Сарай-Бату? Или до Москвы, что гораздо ближе, но так же губительно?

К вечеру, когда все разошлись, неожиданно разыгралась нешуточная гроза.

В гостевую залу пришел слуга и спросил:

– Что теперь будет, Александр Михайлович?

– Худо будет, Степа.

– Я тут повозку ордынцев на задний двор откатил, поставил у клетки. Собрался уходить, гляжу, а под днищем, где ступеньки, чего-то есть. Короб берестяной в кожаных ремнях. Хотел вытащить, но не смог. Тяжелый он, да и закреплен основательно.

– Что за короб?

– Откуда мне знать, князь? Но похоже на то, что это тайник. Сразу-то никто не заметил, а у повозки всегда нукер стоял. Чего ее охранять-то? Видать, короб этот он и сторожил.

– Пойдем, посмотрим, все одно делать нечего.

Александр Михайлович лукавил. Он уже знал, что делать, но вида не показывал. Не след, чтобы о его замыслах знали даже такие верные люди, как Степан.

Они прошли на задний двор. Их никто не видел. Стражи на постах еще не было. Люди отходили от буйства дня и жут-

кой грозы, какой не помнили и старики.

Степан показал князю короб. Он был небольшой, плоский. Казалось бы, взялся за ручку и вытащил его по полочкам. Но для чего все это?

Князь попробовал вытащить короб, но куда там. Тот едва шевельнулся.

– Давай, Степа, вместе.

Вдвоем они кое-как вытащили короб и увидели замок между ремнями. Что же внутри?

Степан принес топор, рубанул замок.

Князь снял ремень, поднял крышку и обомлел.

Короб был забит золотыми браслетами, кольцами, перстнями, серьгами, бусами, слитками. Под ними в кожаных мешочках и россыпью лежали камни, игравшие огнями разных цветов. По бокам немного посуды, в основном кубки, в них тоже камни.

– Да тут целое богатство! – воскликнул Степан.

– Видать, Чолхан был нечист на руку. Часть того добра, которое собиралось как дань, забирал себе.

– На это можно целый город построить.

– Да, богатство большое.

– И что теперь с ним делать?

Князь посмотрел на слугу.

– К тебе в тайник надо перенести. Но как? Коли кто увидит, шум будет. Мол, князь от людей богатство свое прячет.

Слуга покачал головой и добавил:

– В клетки у верного холопа. Тогда тайник найдут. А с ним и то, что ты там оставил.

– Но перенести надо.

Степан почесал затылок.

– Если только частями, в суме.

– Правильно. Неси суму. Где она, знаешь.

– Да одна такая, что ли, во дворце. Найду.

– А я здесь побуду, посмотрю за добром.

Слуга ушел и вернулся с сумой. Он носил добро в тайник до самой темноты, потому как осторожничал, постоянно осматривался.

Потом Александр Михайлович зашел в клеть. Он помнил, что след сделать, открыл тайник. Короб стоял на торце, ремни на месте, вместо замка узел из веревки. Мудреный, не развяжешь, только рубить. Поверх икона. Все на месте.

«Надо бы забрать под утро, – подумал князь. – Но с иконой еще можно отправляться в путь, а вот с коробом? Конь не возьмет, а своей повозкой не попользуешься.

Коли бунт в городе, то и меня народ обыщет, если вообще назад не вернет. Слышал я, как толпа кричала, что князь за ордынцев стоял, не давал на расправу Чолхана. Люди звали на престол боярина Велькова.

А тот и рад. И чему? Будто не ведает, что хан Узбек не простит истребления своих людей.

Придется оставлять добро. Мне надо бежать, спастись. Жаль только, что семью не удастся вытащить».

Князь тяжело вздохнул, захлопнул крышку тайника и отправился обратно в кремль, во дворец.

На рассвете он выехал из Твери и направился в Псков. Александр Михайлович надеялся пересидеть там лихие времена.

Глава 2

Более чем два века спустя. Июль 1550 года

В марте закончился поход русского войска под командованием Ивана Грозного на Казань, который носил характер разведки. Многие бояре и прочие вельможи, как на Москве, так и в ханстве, были убеждены в том, что царь попытается взять город. Нет, он пока и не думал этого делать.

Иван Васильевич посмотрел на столицу ханства, определил, как вести осаду, на каких направлениях выводить рать на штурм, как использовать наряд, то есть артиллерию. Но главным результатом похода явилось решение царя о строительстве мощной крепости на крутой горе, при впадении Свияги в Волгу, у Щучьего озера, всего в двадцати с небольшим верстах от Казани.

Ратники особой дружины после похода в земли Казанского ханства получили от молодого царя земельные участки и средства для постройки подворий. Они ставили их на берегу Москвы-реки, недалеко от кремля, рядом друг с другом.

Их воевода Дмитрий Владимирович Савельев после смерти отца стал князем. Он восстановил родовой дом, уничтоженный страшным пожаром, бушевавшим три года назад, и проживал отдельно от своих подчиненных. Дмитрий женился на княжне Ульяне Островой, и теперь она носила первен-

ца.

Ранним утром пятнадцатого июля князь Савельев вышел из дома.

К нему тут же подбежал служка Владимир. Дмитрий подобрал этого сироту в торговых рядах, где тот попрошайничал.

– Я здесь, князь. Какие будут указания?

Владимиру исполнилось одиннадцать лет, возраст для тех годов почти взрослый.

– Да какие там указания. Коней поил, кормил?

– А как же, князь, само собой. Это я в первую голову сделал.

Князь улыбнулся и спросил:

– А что же ты сделал во вторую голову?

– В торговые ряды сбегал, купил разных припасов для поварихи тетки Марфы.

– И то дело.

В это время к воротам подъехал всадник.

– Похоже, гости к нам, – сказал князь.

Служка пожал плечами и спросил:

– Узнать, кто пришел?

– Узнай!

Во двор вышла и Ульяна.

– Погулять решила? – поинтересовался Савельев.

– Да, хотела к реке сходить. Ты же знаешь, Дмитрий, как я люблю смотреть на воду.

– А где служанка твоя, Надежда?

– Сейчас выйдет. Ты позволишь нам пройти к реке?

– Конечно. Если хочешь, ступай, только ради бога будь осторожна. Перед рекой спуск обрывистый да скользкий, не упали.

– Мы пойдем к причалу. А уж от него по песку.

– И не разувайся, застудишь ноги, захвораешь, а ведь ты дитя носишь.

– Какой ты у меня заботливый.

Служка от ворот крикнул:

– Дмитрий Владимирович, ратник от князя Крылова. С тобой желает говорить. Выйдешь?

– Впусти его.

Малец недовольно пробормотал, что теперь ему ворота открывать придется, снял довольно тяжелый брус, который запирает створки, приоткрыл одну.

Всадник въехал во двор и тут же спешил. Не по чину ему было говорить со знатным человеком свысока, с коня.

– Приветствую тебя, князь Дмитрий Владимирович, и жену твою!

– И тебе здравия, воин. Говоришь, от князя Крылова прислан? Что велел передать Юрий Петрович?

– Он просит тебя срочно приехать к нему.

– Хорошо! Передай, скоро буду.

– Извини, но мне приказано сопровождать тебя.

– Мы поедем не на подворье Крылова?

– Нет.

– Ладно. Минуту. – Савельев подошел к жене. – Я отъеду, Ульяна, будь, пожалуйста, поосторожней.

– Конечно, Дмитрий.

Он поцеловал супругу и вскочил на коня.

Служка распахнул обе створки ворот. Князь и гонец выехали с подворья. Они двигались вдоль реки, выбрались на посад. Там всадники свернули в какой-то проулок, остановились у небольшой усадьбы, спешили, вошли в неказистую избу, явно принадлежащую простолюдину.

В единственной комнате за столом сидел князь Крылов. Ни в доме, ни во дворе больше никого не было, не считая ратника, принявшего коней.

Крылов при виде Савельева поднялся и заявил:

– Рад видеть тебя, Дмитрий Владимирович, в добром здравии.

– И я также, князь.

– Да ты проходи, присаживайся. Здесь, конечно, далеко не хоромы, но для нашего разговора место более чем удобное.

– Я почему-то думаю, что моему отряду придется сегодня же покинуть Москву.

– Присаживайся, все узнаешь.

Дмитрий сел на лавку, простую, ничем не покрытую.

Гонец вышел и закрыл за собой скрипящую дверь. Вельможи остались одни.

– Не будем терять время, Дмитрий Владимирович.

– Да, князь.

– Значит, так. Ты что-нибудь слышал о замятне в Твери, гибели там ордынского вельможи Чолхана и всех его людей.

– Немного, – ответил Савельев.

– Тогда я напомним, что там происходило двести двадцать три года назад. Да, ровно без одного месяца. В августе в Тверь приехал из орды посол царя Узбека Чолхан со свитой, а проще говоря, с мурзой и нукерами личной охраны. Он потребовал немедленно уплатить дань. Князю Александру Михайловичу пришлось собирать ее. Все это происходило с большими, как ты понимаешь, трудностями. Ордынцы безобразничали в городе. Они насиловали и убивали женщин, не щадили стариков. Кончилось тем, что тверичи восстали и перебили все ордынское посольство. Ясно, что Узбек просто взбесился. Он поручил московскому князю Ивану Калите проучить жителей Твери, дал ему рать из татар. Тверское княжество было разорено, Александр Михайлович бежал в Псков, потом сидел в Новгороде. Узбек вроде бы простил его, а когда тот с сыном Дмитрием приехал в орду, приказал убить их. Это предыстория. Главное не в той вражде двухвековой давности. В мае сего года из Твери от воеводы князя Дмитрия Ивановича Микулинского пришло очень важное и неожиданное сообщение. Оказывается, у Александра Михайловича был верный слуга Степан Коланов. Он с семьей остался в Твери, когда князь бежал оттуда. Досталось им лиха, угнали ордынцы в полон, там они все и загнули. После

разорения Тверь, понятное дело, поднялась, но уже не играла прежней роли. Надо признать, что к этому умалению города приложили руку московские князья. Но давай к главному. Так вот, Дмитрий Иванович сообщил тайно, что некий купец в Твери на посаде решил ставить новый дом. На этом самом месте когда-то жил Степан Коланов. Купец нашел там клад.

Савельев взглянул на Крылова и заявил:

– Эка новость-то. Нынче много кладов люди находят. Ордынцы закапывали в русских землях то добро, которое по каким-то причинам не могли вывезти отсюда. Наши вельможи да торговцы тоже прятали ценности, чтобы те не достались татарам.

– Все это так, Дмитрий Владимирович. Да вот только клад оказался необычным.

– И чем же он необычен?

– Тем, что в тайнике, устроенном на том месте, где прежде стояла клеть Степана Коланова, найдено не только большое количество золота, драгоценных камней, украшений, но и икона Божьей Матери, давным-давно похищенная в Афоне.

– Икона? Это та, которую до сих пор упоминают в молитвах?

– Да. Более двух веков она находилась в тверских землях. Как попала к слуге вместе с золотом и камнями, сказать трудно. Возможно, Степан знал о сокровищах Чолхана и украл их во время бунта. Не исключено, что икона была у Алек-

сандра Михайловича. Он прятал ее у Коланова. Ценности же были отправлены в тайник позже. Все может быть. Важно, что икона Божьей Матери найдена. Теперь государь может передать ее афонским старцам. Разумеется, при условии, что клад с иконой сначала благополучно доберутся до Москвы.

– Что-то или кто-то мешает перевезти клад из Твери на Москву? – спросил Савельев.

– Нет. Этому вряд ли кто сможет помешать. Но ведь икону потом надо будет доставить на Афон. Вот этим и предстоит заняться твоему отряду.

Дмитрий погладил бороду и проговорил:

– погоди, князь. Давай по порядку. Икона и клад сейчас в Твери у тысяцкого, князя Дмитрия Ивановича Микулинского, так?

– Да.

– Первый вопрос таков. Кто повезет ее на Москву?

– Дружина воеводы Ивана Кузнеця.

Савельев кивнул.

– Понятно. Вопрос второй. Дружина Кузнеця уже ушла в Тверь?

– Сегодня на рассвете.

– Ратники должны загрузить клад в обоз и вернуться с ним на Москву, так?

– Да.

– Это сто семьдесят верст в одну сторону. Надо учитывать, что отряд идет с обозом. Значит, в день он будет проходить

до тридцати верст и прибудет в Тверь двадцатого числа. Далее отдых, загрузка и обратный путь. Ожидать Ивана Кузнецца на Москве можно двадцать восьмого июля или на день позже. Когда моей дружине надо быть готовой к длительному походу?

– Вы отправитесь на Афон четвертого августа. Однако государь наказал, чтобы ты держал своих людей в полной готовности к выходу уже с завтрашнего дня.

– Почему?

– Так решил Иван Васильевич.

– Добро. Завтра отряд будет готов к походу. Все сказанное тобой надо, естественно, держать в тайне?

– Само собой.

– А соблюдают ли ее люди воеводы Кузнецца и ближайшее окружение князя Микулинского?

– Вот это, Дмитрий Владимирович, извиняй, уже не твоя забота.

Савельев кивнул.

– Ну и ладно. Не моя так не моя.

– Тогда все, князь. Не смею задерживать.

– Слишком многим людям уже сегодня известна эта тайна, – проговорил Савельев.

– Почему многим, Дмитрий Владимирович? Князю Дмитрию Ивановичу Микулинскому, его ближним людям, весьма немногим, воеводе Кузнецу, тебе и мне. Ну и конечно, государю.

- Юрий Петрович, что знают двое, то знают все.
- Но не в нашем случае.
- Дай бог, чтобы так оно и было. До свидания.
- Счастливо.

Князь Савельев поехал к усадьбам своих ратников. Первым на его пути стояло подворье Гордея Бессонова.

Тот встретил князя радушно, обнял и сказал:

- Великого здравия тебе, князь Дмитрий Владимирович.
- И тебе того же, Гордей. Как вы тут обживаетесь?
- Понемногу. Отошли мои родные от полона татарского, побелели душой, а все благодаря тебе, князь.
- Полно, Гордей. Весь наш отряд спасал твою семью.
- Но ведь именно ты решил идти за Волгу и охотиться на мурзу.

– Ладно, хорошо то, что хорошо кончается.

– Пройдем в дом. Анфиса стол накроет, перекусим, чем бог послал.

– Нет, Гордей, спасибо. Тут дело такое... – Дмитрий передал своему ближнему помощнику суть разговора с князем Крыловым.

Бессонов погладил окладистую бороду и сказал:

– Да, дорожка нам предстоит шибко длинная, коли икону придется на Афон везти.

– До того надо еще заполучить ее. Государь не напрасно повелел держать дружину в полной готовности. Значит, есть какая-то опасность. Только князь почему-то не стал го-

ворить мне о ней.

Гордей чуть помолчал и произнес:

– Мыслью, оттого не поведал, что сам сомневается, есть ли опасность или нет, а коли есть, справится ли с ней отряд Ивана Кузнецца. Я знаю многих ратников из того отряда. Воины достойные, с татарами бились не раз. Однако князь, как видно, все же сомневается.

– А коли сомневается, почему отправил в Тверь Кузнецца, а не нас? Уж мы-то точно привезли бы сокровища.

Бессонов развел руками и проговорил:

– Решение принимал не князь Крылов, а наверняка сам царь Иван Васильевич. Ему виднее, кого куда посылать. Возможно, он решил, что для нас это слишком простая работа.

– Поглядим. Значит, дома все в порядке?

– В порядке, князь. А у тебя?

– И у меня, слава богу.

– Как Ульяна? Дитя носит?

– Нормально все, Гордей.

– Я хотел кое о чем попросить тебя, Дмитрий Владимирович.

Князь посмотрел на воина.

– О чем, Гордей?

– Власу, сыну моему, уже семнадцать годов скоро. После полна окреп телом, душой и верой. Басурман ненавидит лютой ненавистью. Саблей владеет неплохо. Конечно, до наших воинов ему еще далеко, но сверстников своих побежда-

ет.

– Ты к чему клонишь, Гордей?

– А нельзя ли его в нашу дружину пристроить, Дмитрий Владимирович? Поначалу на побегушках, испытание пройти. А потом вместе со всеми. Я с ним займусь, всему обучу, что могу сам. Хороший воин из него выйдет.

– Что ж, Гордей, я не против. В следующий раз, как встречу с князем Крыловым, похлопочу за Власа. Парень он действительно стоящий, в тебя пошел.

– Благодарю, князь.

– Не за что пока. Поеду, посмотрю остальных, поговорю, с кем увижусь, а приказ о готовности ты уж сам передай, добро?

– Добро, князь.

– Радости дому твоему, Гордей.

– И твоему, Дмитрий Владимирович.

Князь Савельев поехал по соседним подворьям. Он спешил. Ему не терпелось увидеть Ульяну, узнать, как прошла прогулка. Дмитрий волновался за свою жену, а еще больше – за будущее дитя.

В это же время на подворье боярина Никиты Демьяновича Толгарова, стоящем на Варварке, было необычайно пустынно. Только два работника постоянно торчали у ворот, через калитку посматривали на всадников, проезжавших мимо. Это были доверенные холопы боярина Ефим и Тарас.

Неподалеку от них от нечего делать играл в тычку служка,

десятилетний сирота, которого по малолетству все называли просто Николкой. Фамилию его никто не помнил. Много чести.

На крыльцо вышел боярин и спросил у холопа:

– Ну что, Ефим?

– Пока никого, боярин.

– Должен уже подъехать. Не заплутал ли на Москве?

– Так язык-то при нем. Спросит, ему каждый прохожий подскажет, где подворье боярина Толгарова.

– Ну да, – буркнул вельможа и ушел в дом.

Наконец у ворот остановился всадник, явно измученный, весь в пыли.

– Доброго вам здравия, люди. Это подворье боярина Толгарова?

– Да, – ответил Ефим и спросил: – А ты кто будешь?

– А я гонец от тверского боярина Всеволода Михайловича Воронова.

– Чем докажешь?

– Это я сделаю пред боярином. Доложите, что прибыл.

Ефим позвал служку:

– Николка!

– Я! – ответил малец.

– Бегом к боярину! Скажи, что из Твери человек прибыл, от боярина Воронова.

– Угу.

– Быстро!

Николка побежал к крыльцу, поднялся по ступенькам.

Через минуту из дома вышел Толгаров и повелел:

– Пропустите всадника!

Холопы открыли ворота.

Гонец въехал во двор, кое-как сполз с коня и сказал мальчишке:

– Коня оботри, напои, накорми, да лишку не давай.

– Знаю, как с конями обращаться.

Гонец подошел к хозяину подворья и спросил:

– Боярин Толгаров?

– Я-то боярин Толгаров, а ты кто?

– Лавр Кубарь, холоп боярина Воронова. Вот его грамота. – Он достал из-за пазухи свиток.

Толгаров взял бумагу, развернул, прочитал, вернул и заявил:

– Добро, проходи в дом.

– Устал я, боярин, нет мочи. Но и дело срочное.

– Передашь мне сообщение твоего боярина, потом мои люди тебя накормят, напоят и спать уложат. Если хочешь, они и баньку истопят.

– Банька – дело доброе. Не откажусь.

– Так и будет. Тарас!

Второй холоп вышел вперед и услышал:

– Передай Марье, чтобы еду для гонца приготовила сытную, вина хлебного из погреба достала. Сам растопи баню. До обеда гонец попарится. Постель в комнате гостевого до-

ма. В общем, займись всем этим, дабы гонец сыт, пьян и чист был, отдохнул хорошо. Ему завтра в обратный путь отправляться. Кольке за конем уход. Уразумел?

— Уразумел, боярин.

— Исполни! А ты ступай за мной, Лавр Кубарь.

Они поднялись в просторную горницу. Наверху тоже никого не было. Жену с дочерьми боярин с утра отправил в гости к родителям, проживавшим на Ильинке.

Комната была обставлена богато. На полу яркие дорожки, скамьи вдоль стен и у стола устланы коврами. Оконца с мозаикой из цветного стекла. Шкаф, сундук огромных размеров у русской печи. Часть горницы отделяла занавесь. Такие же висели на стене у оконцев. На столе скатерть. В красном углу иконостас. Образа в серебряных окладах, лампадка из золота. Все дорогое, чистое, соответствующее положению хозяина.

Боярин опустился на лавку у стола, показал гонцу на место напротив себя и заявил:

— Садись, Лавр, и говори.

Холоп тверского боярина насторожился и спросил:

— А тут нас никто не услышит? Всеволод Михайлович строго наказал, чтобы при разговоре не было никого, кроме нас с тобой, боярин. Дело слишком серьезное и тайное.

— Петр Тучко, купец из городка Вербеж, предупредил меня о твоём приезде. Он сказал и о серьезном деле, и о том, что разговор наш следует держать в тайне. Так что не беспо-

койся, я принял меры. Разве это не заметно?

– Не до того мне, чтобы смотреть за этим. Еле на ногах держусь.

– Так не тяни, говори, что велено передать.

– Дело такое, боярин. В Твери найден клад.

– Вот как? И что в этом странного или нового? Теперь люди клады часто находят, особенно там, где прежде гуляли ордынцы. Вот на Рязани их чуть ли не каждый день откапывают. Да и в других местах тоже.

– У нас клад особый.

– Чем же?

Гонец передал боярину примерно то же самое, что говорил князь Крылов Дмитрию Савельеву.

Выслушав Кубаря, московский боярин поднялся, прошелся по горнице, резко повернулся и спросил:

– А икона точно из Афона?

– Точнее не бывает.

– Откуда же Всеволод Михайлович узнал про клад, если эту историю приказано было держать в строгой тайне?

– Ее и держат. Только мой боярин Воронов в приятельских отношениях с тверским тысяцким, князем Дмитрием Ивановичем Микулинским. От него он и узнал.

– А кроме иконы, значит, в том старом коробе много золота, серебра и драгоценных камней?

– Очень много. Боярин говорил, что там кольца, перстни, ожерелья, серьги, броши. Драгоценных камней целые россы-

пи. Наверное, Чолхан, родственник царя Узбека, в повозке которого и был найден когда-то этот короб, отрывал себе солидные куски от дани. Но самую большую ценность представляет собой икона.

– Иконе место в храме. В том самом, откуда ее похитили, – сказал боярин.

– Оно так и есть. Только икона найдена вместе с кладом Чолхана. Мой боярин Всеволод Михайлович говорил, что Дмитрий Иванович Микулинский, воевода в Твери, уже сообщил царю Ивану Васильевичу об этом. Царь должен был отправить в Тверь отряд для перевозки иконы и клада на Москву.

– А у боярина Воронова на этот счет есть свое, особое мнение?

– Да. Он считает, что не Москва, а Тверь должна владеть кладом. Об иконе речи не идет. Ее следует перевезти на Афон. Пусть это делает Москва.

– В Твери... то есть у князя Дмитрия Ивановича. Но ведь тот сам сообщил царю о находке, стало быть, заведомо желал отдать все Ивану Васильевичу, Москве.

Гонец посмотрел на боярина и проговорил:

– В Твери, Никита Демьянович, это значит у боярина Воронова.

– Вот как? Всеволод Михайлович решил присвоить клад. Но как он рассчитывает это сделать? Твой боярин решил собрать своих холопов и отбить клад у Дмитрия Ивановича

Микулинского? Или он хочет напасть на отряд, посланный в Тверь царем Иваном Васильевичем?

– Такое безрассудство смерти подобно.

– Вот и я о том же. Но это дело боярина Воронова. Я одно взять в толк не могу. Почему Всеволод Михайлович решил поведать эту историю мне? Да, мы с ним в хороших отношениях, дела кое-какие делали вместе, но каким боком я прикасаюсь ко всей этой истории?

– Наконец-то мы подошли к самому главному, – проговорил гонец.

Толгаров взглянул на Кубаря.

– Да? И в чем это главное заключено?

– Всеволод Михайлович очень рассчитывает, что ты сможешь ему завладеть кладом. Не безвозмездно, конечно, а за четверть всего добра.

Толгаров удивился и спросил:

– Но я-то чем могу помочь ему?

– Тут такое дело, боярин. У тебя ключник кто?

– Емельян Горин. Но он-то тут при чем?

– У нас в тверских землях уже год промышляет шайка разбойника Козьмы Меченого.

– Хороша кличка. Прямо как у пса.

– Он и есть пес кровавый, но это не важно. Меченым его зовут за шрамы на морде, которые остались с отрочества, когда его щедро угостил кнутом ордынец.

– Ну а мне-то зачем этот Меченый?

– Вообще-то фамилия Козьмы – Пурьяк.

– Это меня не касается.

– Ты погоди, боярин, выслушай до конца!

– Ладно, говори. Только ты зря свое время тратишь. Еда уже готова, баня тоже.

– Значит, так, Никита Демьянович. Главарь шайки Меченый и Козьма Пурьяк – одно и то же лицо. Никто, кроме боярина Воронова, не ведает, что он ведет двойную жизнь. У Пурьяка есть свой починок, то бишь хутор. Он называется Долман. Там проживают Козьма, его жена Любава, их сын Василий и дочь Лана, уже невеста. Сам он делает у себя на починке гробы, отвозит их в Тверь, там продает. Товар расходуется быстро, спрос на гробы всегда есть, а они у него хорошие, крепкие. Семья не бедствует. У Меченого шайка из двух десятков беглых холопов. Они обретаются в чаще, среди болот Черного леса. Это рядом с почином и селом Дубино, в трех верстах от городка Вербеж и в десяти от Твери. Шайка Меченого нападает только на крупные торговые обозы, бедных крестьян не трогает. Всеволод Михайлович считает, что у Меченого есть осведомители в Вербеже и в самой Твери.

Боярин прервал гонца:

– Погоди-ка, Лавр. Что-то я никак не уразумею, зачем мне все это знать.

– Потерпи, боярин, осталось немного. Я не напрасно спросил тебя о ключнике. Дело в том, что Козьма Пурьяк, он же

Меченый, и твой Емельян Горин – названные братья.

– Что? Мой холоп, ведающий хозяйством, родственник разбойника?

– Да. Отца ключника твоего задавило на лесоповале, мать померла в тот же год. Сироту приютил Потап Петрович, отец Козьмы. Мальцы росли вместе. Мачеха относилась к нему как к родному. Потом у Емельяна обнаружилась родня на Москве, и он уехал сюда. О том ты сам у него можешь спросить. Важно то, что названные братья до сих пор поддерживают родственные отношения.

Боярин Толгаров поскреб пятерней затылок и воскликнул:

– Как это? Емельян почти всегда на подворье. Из Москвы он последний раз выезжал года два назад, да и то в Рязань.

– Емельян не выезжал, а вот Козьма навещался сюда.

– Куда сюда? Ко мне на подворье?

– Нет, конечно. У Козьмы свой дом на Москве. Кстати, там же, где живут и родители твоей жены, на Ильинке.

– И на кого он записан? Не на Козьму же?

– Нет. По бумагам дом принадлежит Дмитрию Сычу, тверскому купцу, который ведет дела и в столице.

– У меня голова кругом идет. Надо же, как все закручено.

– А по-моему, напротив, все просто, только имен много. Но они и не нужны. Всеволоду Михайловичу надо, чтобы твой ключник свел его с Козьмой. Но не с гробовых дел мастером, а разбойником Меченым.

Толгаров, которому явно не понравилась эта затея, воскликнул:

— А что, боярин Воронов не может встретиться с Пурьяком, чтобы раскрыть в нем Меченого?

— Если бы мог, то не обращался бы к тебе за помощью. Да ты сам посуди, как можно раскрыть разбойника? Он ото всего открестится, да еще и злобу затаит. А с ним шутки плохи. Редкой жестокости человек. Кого угодно на куски порубит, не глядя.

— Отчего же его не отловили еще? Ведь известно, что шайка затаилась в лесу и нападает на крупные обозы.

У Кубаря, как он ни крепился, закрывались глаза. Усталость брала свое.

Он вздохнул и сказал:

— Ты, боярин, наши леса не знаешь. В них мало кто не заплутает. А уж в болотах и подавно. Там запросто утонуть можно. Пурьяк же в этих дебрях и трясилах как у себя дома. Но это не главное. Я говорил, что шайка Меченого грабит обозы богатых купцов, но не трогает простых крестьян. Бывает, что разбойники и помогают особо нуждающимся. То семейству многодетному, то старикам, которым помощи ждать не от кого. Был случай, выгорела деревня. А на что строить новые избы? Тут Меченый денег старосте дал. На них крестьяне и возвели жилье заново. Так что коли в деревнях и селах люди и знают что о Меченом, то не побегут доносить на него. Они, напротив, укроют его, если будет такая

нужда.

Толгаров кашлянул, взглянул на гонца и заявил:

– Ты вот что, парься в бане, харчевничай, отдыхай. Завтра утром скажу, чего я решил.

– Добро, боярин. Всеволод Михайлович велел по завершении разговора напомнить, что доля твоя четверть всего, что будет в кладе. А это целое состояние.

– Я и без того не бедный человек.

– Это так, но царь Иван Васильевич взялся наводить в государстве порядок. А коли так, то скоро прежнего раздолья вельможам не будет. Государю деньги потребуются на походы на Казань, войны с Крымским ханством. А где их взять? Придется вам, князьям да боярам, раскошелиться. Нрав у нового царя крутой. Не смотри, что он еще молод. Всеволод Михайлович опасается, что как бы не пришлось ему уходить в Литву или в Польшу. А там без денег делать нечего.

Толгаров на это ничего не сказал. Он и без Воронова прекрасно знал, какие планы вынашивал царь Иван Васильевич, не сомневался в том, что немалое число бояр ожидает опала.

– Эй, кто там за дверью?! – крикнул хозяин дома.

Послышался голос Ефима:

– Я, боярин.

– Для гонца все готово?

– Готово, боярин.

– Проводи его. – Толгаров посмотрел на Кубаря и заявил: – А ты из дома ни ногой! В отхожее место только. Это

понятно?

– Конечно.

– Проводи его, Ефим, и позови ко мне Горина. Он на подворье? Не выезжал в город?

– Был тут и не собирался выезжать.

– Значит, ко мне его!

– Слушаюсь, боярин.

– Звал, Никита Демьянович? – спросил ключник, появившийся через пару минут.

– Звал. Ты что же умалчивал о том, что тверской разбойник Меченый – твой названный брат?

– Да какой он брат? – отмахнулся Горин. – Подобрал меня отец его, когда я подыхал с голоду. Да, было такое. Потом я работал вместе с ним. А с Козьмой мы как с самого начала не сдружились, так и потом все время были порознь. У него свои товарищи, у меня свои. А подрост, родственники на Москве объявились, я и съехал с Твери. Извиняй, боярин, а откуда ты про родство это узнал? Хотя к тебе же человек из Твери прибыл.

– А почему ты не удивился, когда я братца твоего не groboвых дел мастером назвал, а разбойником Меченым?

Ключник замялся.

– Так я это...

Боярин прервал слугу:

– Нет, Емельян, ты знал, что Пурьяк и Меченый – один и тот же человек.

– Винюсь, слышал о том, но не более.

– Значит, ты не видишься с ним?

– Откуда? Я же всегда на виду, на подворье, при хозяйстве. Где бы я с ним встречался? Нет, как уехал из Твери, не видел его ни разу.

– И про дом его на Ильинке, записанный на купца Сыча, тоже не ведаешь?

Ключник понял, что боярин знает слишком много. Он не понимал, откуда тот смог проведать про его родственные отношения с Меченым, когда о них и в Твери-то знали только самые надежные люди. Однако врать дальше было нельзя. Ясно, что себе дороже выйдет.

– Каюсь, боярин, ведаю про дом и встречался с Козьмой. Про дела его темные знаю, но никогда ни в чем не помогал ему. Просто встречались как братья. Иногда Козьма мне денег давал, чтобы я дом свой поставил, ремеслом занялся. Я же сапожник неплохой.

– А деньги-то награбленные были?

– Этого не ведаю. Наверное. Ты, боярин, услышал правду. Теперь я хочу знать, что будет со мной. Отправишь в вотчину коров пасти?

Боярин погладил бороду и заявил:

– Скажешь правду, оставлю на месте, боле того, милость окажу.

– Спрашивай, боярин.

– Добро награбленное Козьма Меченый через купца Сыча

сбагривал?

– Да.

– Ты участвовал в этом?

– Иногда я встречал обозы, приведенные вроде бы Сычом.

Однако прежде Сыча товар получал купец Тучко из городка Вербеж. Но не от Козьмы, а от его правой руки Игната Брыло. У того тоже шрамы на лице. Тучко считает его главарем шайки, думает, что он и есть Меченый.

– А братец твой получается в стороне?

– Он с Сыча деньгу за продажу товара берет.

– Через тебя.

Ключник вновь помялся, кивнул и сказал:

– Иногда я забирал деньги.

– И большие барыши имеет Козьма Пурьяк Меченый?

– Когда как. Иногда бывает хороший навар, в другой раз сущая мелочь.

– Ну что ж, вижу, не врешь. Как хитро закрутил твой Козьма. В Твери никто не догадывается, что Пурьяк и есть глава разбойничьей шайки. Люди думают на какого-то Брыло. На Москве дом и купец. Награбленное добро спокойно уходит от Тучко к Сычу. А основной барыш забирает Козьма, который у себя на починке мастерит гробы. Неплохо придумано.

– Да, Козьма не дурак. Потап Петрович нас в деревне грамоте и счету обучал. Помню, Козьма все на лету схватывал. Он любил показать себя. Когда мы задумывали в чужой сад заглянуть, Козьма всегда самый трудный способ выбирал,

норовил мимо собак пройти, прямо чрез двор, где хозяин может заметить. Без того не мог. И ведь не попадался никогда. А пошли мы без него через городьбу, так собаки нам портки в клочья порвали.

– Это мне нисколько не любопытно, – проговорил Толгаров.

– А что для тебя важно, боярин? Спрашивай. Как на духу отвечу.

– Дело к тебе есть, Емельян, очень серьезное, но и выгодное.

– Дело? Говори, боярин, для тебя все исполню.

– Так уж и все?

– Воистину все. Разве что человека убить не смогу. Рука у меня не поднимется.

– Даже на врага кровного?

– Даже на врага.

– Ладно. Дело такое. Ты знаешь, что у нас на подворье гонец из Твери.

– Знаю, боярин.

– Так вот, сегодня соберись, завтра с ним в Тверь поедешь.

Оттуда в село, рядом с которым стоит починок твоего названного братца, гробовых дел мастера. Гонец сведет тебя со своим боярином, владельцем села. Тот сообщит, что надо делать. Сейчас могу сказать, что придется тебе встретиться с братцем. А вот о чем речь с ним вести, тебя наставит боярин. Ты понял меня?

– Все так неожиданно, боярин.

– В нашей жизни много неожиданного.

– А как поговорю, вернусь?

– Конечно. Нечего тебе в Твери делать.

Ключник вздохнул и сказал:

– Понял, боярин.

– И запомни, Емельян, дело это тайное. Для всех ты едешь в Новгород с моим поручением, говорить о котором не веле-
но. О встрече с братцем никому ни единого слова! Жене в том числе. Если не желаешь головы лишиться. Это понял?

– Да, боярин.

– Обо мне братцу тоже говорить не следует. Пусть он не знает, что мне все известно о ваших тайных делах. Все, ступай, собирайся. Рано утром в дорогу!

– Слушаюсь!

Глава 3

На следующее утро с подворья боярина Толгарова выехали Лавр Кубарь и Емельян Горин. Им надо было опередить отряд Ивана Кузнеца не менее чем на два дня. Поэтому всадники торопились.

В полдень девятнадцатого июля они вышли на берег Волги, откуда была видна Тверь. Горин попридержал коня. Пришлось встать и Кубарю.

– Так открыто и пойдем в город? – спросил Емельян.

– Нет. В город мы не пойдем, обогнем его. Тут в версте дорога влево. По ней и двинемся на село Дубино, где расположены земли и усадьба боярина Воронова.

– Как звать-то его?

– Всеволод Михайлович.

– Строгий боярин?

– А твой Толгаров строгий?

– Коли исполняешь все наказы да прихоти, то ничего, не обижает, а коли провинишься, то наказать может люто.

– Вот и Воронов такой же. Все они, бояре, одинаковы. У каждого своя выгода на уме, а мы для них... ладно. Едем, или еще чего желаешь спросить?

– Село большое?

– Увидишь.

– Я увижу – это хорошо, меня заприметят – плохо.

– Не волнуйся. Кому нужно примечать тебя?

– Тогда едем.

Они проехали менее версты, потом свернули налево, в рощу, чрез нее вышли к довольно большому селению.

Но народу там было не густо, особенно мужиков. Бабы занимались хозяйством, детишки играли в пыли улицы.

Путники подъехали к воротам, проделанным в высокой и крепкой городье. За ней виделся дом о двух этажах и крыши разных других построек.

Кубарь постучал в ворота рукояткой плети.

– Эй, стражник, отворяй!

Открылась калитка. Появилась бородатая физиономия мужика в рубахе до пят.

– Лавр?

– А ты кого, Мирон, ждал?

– Я никого не ждал. Да и боярин, судя по всему, тоже. Он встал поздно, недавно в церковь сходил, сейчас трапезничает.

– Ты и далее нас держать на улице будешь или, может, все-таки вступишь во двор?

– Отчего не впустить. Сейчас открою. А кто это с тобой?

– О том боярин знает.

– Ну, коли так, то и ладно.

Холоп Мирон распахнул створки ворот, всадники въехали во двор. Появился служка, малец по имени Санька. Лавр и Емельян передали ему коней.

Видимо, боярин Воронов услышал шум на подворье. Он вышел на верхнее крыльцо, вытирая полотенцем руки.

– Лавр?

– Приветствую тебя, боярин. Вот вернулся и человека нужного привез.

– Идите наверх. Оба! А ты, Мирон, кликни Алексея, пусть баньку затопит, стряпухе вели еды приготовить.

– Сей же миг сделаю, боярин.

Хозяин дома завел людей, прибывших из Москвы, в горницу, обставленную довольно дорогой мебелью, сел в деревянное кресло.

Кубарь и Горин разместились на лавке у стены.

– Умаялись? – спросил Воронов.

– Есть немного, – ответил Кубарь.

– Ничего, сейчас поговорим, а потом и отдохнете. Как, Лавр, принял тебя боярин Толгаров?

– Как и положено принимать гонцов. Он меня выслушал и был немного удивлен, особенно когда узнал о родстве Емельяна. – Кубарь кивнул на Горина.

Тот покачал головой и заявил:

– Не только он был удивлен.

– Ладно. – Боярин усмехнулся. – Новость, конечно, для Никиты Демьяновича не из приятных, но что поделать? Такова жизнь. – Он взглянул на Горина и спросил: – А скажи мне, Емельян, давно ли ты виделся с братом своим названным?

Ключник Толгарова чуть помедлил, припомнил и ответил:

– Месяц назад где-то.

– Угу, чрез три недели после того, как у Черного леса был разграблен обоз псковских купцов. Много добра тогда разбойники взяли, а людей всех перебили. Много ли получил тогда твой братец, Емельян?

Горин нахмурился и ответил:

– Мне об этом ничего не ведомо.

– Почему же не ведомо-то? А кто тогда на Ильинку приезжал, а позже на двух телегах вывозил товар на склад купца Сыча?

– Сам ведь все знаешь, боярин. Зачем же тогда спрашиваешь?

Воронов повысил голос:

– А затем, что если ты не сделаешь то, что мне нужно, я сгною тебя в темнице. Вместе с братцем. Кончится его двойная жизнь.

– А сможешь?

– Ты что, холоп? Кого возомнил из себя?

– Да никого, боярин. Только коли ты до сих пор не выдал Козьму, то и далее этого не сделаешь. Потому как боишься ты моего названного брата и его шайки. Знаешь, что разбойники за своего атамана достанут тебя везде, где бы ты ни прятался.

– А ты, смотрю, наглец, холоп.

– Почему? Говорю то, что думаю.

– Ладно, не собачиться же я тебя сюда вызвал. Мне надо встретиться с Козьмой Пурьяком.

Горин кивнул и сказал:

– О том мне известно.

– Его починок недалеко отсюда, в версте. Тебе надо поехать туда и договориться с братцем о моей с ним тайной встрече.

Ключник боярина Толгарова хмыкнул и поинтересовался:

– Тайно, это как? Козьме надо неприметно сюда, на село приехать, или ты сам на починок к нему заявишься? Это, конечно, в том случае, если Козьма вообще согласится встретиться с тобой.

– Согласится. Иначе его гробы никому на Твери не будут нужны.

– Они и Козьме не нужны.

– Тяжелый ты человек.

– Какой уж есть. Но просьбу твою, боярин, я исполню. Съезжу к братцу, поговорю, передам просьбу, привезу ответ. Все сделаю так, как ты повелел.

– Ну и ладненько. Вечером и поедешь. Как стемнеет.

– Поздно. Семья спать ляжет.

– Тогда сам называй время.

– Помоемся, перекусим, чем угостишь, отдохнем немно-го, и в путь. К ужину надо быть на починке.

– Добро. Так и порешим.

– Значит, мне надо Козьме сказать, что ты, боярин Воронов, желаешь лично и тайно встретиться с ним? Причин не раскрывать?

– А ты о них знаешь?

– Да так, слышал кое-что.

– Слышал – еще не значит, что знаешь. Никаких причин. Просто скажи, что я желаю с ним поговорить.

– Хорошо. Я один поеду, или ты Лавра ко мне приставишь?

– А он-то зачем? Чтобы Пурьяка спугнуть? Один поедешь. Кубарь тебя только до балки доведет. Оттуда прямая дорога к починку. Ты понял, Лавр? – Боярин строго взглянул на своего холопа.

– Понял, Всеволод Михайлович.

– А ну кликни Мирона!

Тот явился без промедления.

– Я, боярин.

– Что с баней, трапезой, местом отдыха?

– Все готово, боярин.

Воронов встал и заявил:

– Тогда отведи их в баню и передай Алексею. Саньку же скажи, чтобы коня моего вывел из конюшни. В Тверь поеду.

– Мне с тобой отправляться? Или еще кого возьмешь? Время-то беспокойное!

– Один поеду. Чему быть, того не миновать.

– Это верно.

– Все, ступайте!

Мирон увел Кубаря и Горина.

Боярин переоделся в дорожное платье, вышел во двор.

Там его уже ждал служка с конем.

– Отворяй ворота, – повелел боярин и запрыгнул в седло.

Служка бросился к городье.

Боярин выехал с подворья, проскакал по селу, перекрестился на церковь. За околицей он не пошел по дороге на Тверь, а свернул в лес, на тропу, которая шла в уездный городок Вербей. Три версты боярин одолел быстро, въехал в селение и сразу направился к подворью Бориса Владимировича Коновалова. Князь Микулинский поставил его здесь, в Вербее, своим наместником.

Тот находился в саду. Слуга позвал его.

Завидев Воронова, Коновалов радушно, но с заметной долей притворства расставил руки и заявил:

– Какие гости! Всеволод Михайлович!.. Не ждал, признаюсь, но очень рад. В дом пойдем или тут, в саду, поговорим? Ты же за этим приехал?

– В саду, кроме нас, есть кто?

– Да некому тут быть. Садовник недавно помер. Жена моя с сыном в Твери, слуга, ты сам видел, у ворот остался. Более у меня народа нет. Я же не князь Дмитрий Иванович, чтобы иметь свиту.

– Ладно, тогда поговорим здесь. Ты давно из города приехал?

– Сегодня не выезжал. Был там вчера вечером. А что?

– То, что надо, узнал?

– Вот ты о чем? – Тон наместника сразу же изменился, что, естественно, не уклонилось от слуха боярина. – Знаешь, Всеволод Михайлович, бросил бы ты эту затею. У власти ныне грозный царь, хоть и молодой еще. Прознает он про заговор насчет клада, всех в пыточную избу, а из нее на плаху отправит, смертью накажет за такую измену.

Воронов подошел вплотную к наместнику и спросил:

– Ты струсил, Борис Владимирович, да?

– Как-то нет у меня особого желания подыхать.

– Значит ли это, что ты решил уйти в сторону?

– Да, Всеволод Михайлович. Ты уж не гневись, но не по мне эти игрища.

– Ты вчера с князем Дмитрием Ивановичем виделся?

– Виделся. Он отряд из Москвы ждет. К сокровищам охрана приставлена, все разложено по коробам, икона отдельно хранится.

– Надеюсь, ты ничего не сказал ему о нашем замысле?

– Окстись, Всеволод Михайлович! Ты что же, за последнего подлеца меня принимаешь? В деле участвовать не буду, но и слова о нем никому не скажу. Клянусь в том! – Он вытащил из рубахи нательный крест, поцеловал его.

– Смотри, Борис Владимирович. И помни, коли язык развяжешь, то и себе весьма худо сделаешь.

– Я все хорошо понимаю.

– Нет, ты послушай меня. Слово лишнее скажешь, сорвешь дело, а в пыточную избу все одно отправишься. А потом и на плаху вместе со всеми. Потому как я непременно сообщником тебя выставлю. Да ты таков и есть.

Наместник покачал головой.

– Зачем грозишь, боярин? Сказал же, никому ни слова. Мало тебе того?

– Теперь в самый раз. И покуда дело не закончим, в Тверь не езд.

– С чего это? Там моя семья.

– Потерпишь. А соскучишься, так пусть жена с сыном к тебе возвращаются.

– А коли князь Микулинский меня вызовет?

– Ему не до тебя. А коли вызовет, то не поспешай, сначала заезжай в Дубино.

– Не кажется ли тебе, боярин, что ты перегибает палку?

– А что мне делать, Борис Владимирович, когда люди, считавшиеся надежными, в последнее мгновение по норам, как крысы, прячутся? Приходится меры принимать. Я все сказал. Не провожай меня!

Раздраженный боярин покинул городок, но не отправился прямо в село, а обогнул озеро и заехал в Вербез с другой стороны. Он остановился у ворот подворья купца Тучко.

Слуга проводил боярина в просторный дом.

Тучко поприветствовал Воронова и спросил:

– А чего ты такой смурной, Всеволод Михайлович?

– Будешь смурным! Заезжал я к Коновалову, тот отказался участвовать в деле.

– Как? – растерялся купец. – В последний миг?

– Да, испугался.

– Это очень худо, Всеволод Михайлович.

– Без тебя знаю. Ко мне приехал названный братец Меченого. Сегодня он должен о встрече договориться. А тут Коновалов назад сдает.

– То, что он на попятную пошел, не беда. Опасность в том, что он действительно может сдать всех нас. Не сейчас, после, когда клад у нас будет. А еще хуже, если до того. Тогда наместник отмоется, а нас всех потопит.

Воронов поднялся с лавки, на которую его усадил купец, прошел через горницу к окну, поглядел на улицу и спросил:

– Что предлагаешь, Петр Андреевич?

– У нас, боярин, выход один. Убрать наместника.

– Ты подумал, что сказал? Наместник – это тебе не холоп и не ремесленник, даже не купец. Тут большой шум будет.

Тучко кивнул и заявил:

– Будет, вестимо, коли наместник примет насильственную смерть.

Воронов посмотрел на Тучко и спросил:

– А как еще можно убрать его?

– Насколько я знаю, Борис Владимирович сердцем с детства хворый. Не единожды едва богу душу не отдал. Спасали лекари. А вот теперь они могут и не успеть. И опоздают

наверняка, потому как звать их никто не будет.

– Ты понятней говори, купец.

– Куда же понятней, боярин? Надо ныне же ночью пробраться в дом наместника, где, кроме него, никого не будет. Слуга только, да и тот в коморке спит. Зайти тихо в опочивальню, накрыть голову Бориса Владимировича подушкой и поддержать ее, пока он дергаться перестанет. Потом разложить все на места и уйти. А наутро все узнают, что помер наместник княжеский Коновалов Борис Владимирович. От сердечного приступа богу душу отдал.

– А не догадаются, что его того, удавили?

– Кто разбираться будет, Всеволод Михайлович? Особенно в такое время, когда все мысли князя Микулинского только о том, как клад на Москву переправить?

– А потом?

– Тем более. Похоронят наместника на третий день, да и, как говорится, концы в воду. Кто подумает, что он мог быть заодно с грабителями? Не только на него пальцем не покажут, но и на тебя, на меня. Меченый, вот кто виновник. Его и начнут ловить. Только не поймают. Опять пропадут золото да камни, но уже не на два века, а навсегда. Икону же надо вернуть на Афон.

– Это не тебе решать.

– Неужто грех такой на душу возьмешь?

Боярин усмехнулся и заявил:

– Ты вот тут спокойно расписывал, как человека жизни

лишить, а о грехе с меня спрашиваешь.

– Это разные вещи.

– Так ты на Страшном суде скажешь.

– Так как насчет наместника? – спросил купец.

«Грех грехом, суд судом, а вопрос требует решения. Прав Тучко», – подумал боярин и проговорил:

– Согласен. Коновалова следует убрать, причем именно так, как ты сказал. Но кто это сделает? У меня таких людей нет.

Купец вздохнул и сказал:

– Что ж, придется мне.

– Тебе? – удивился боярин.

– Поручить кому-то, даже если есть такие люди, неосмотрительно будет. Посему придется самому, но, боярин, я человек торговый и просто так, задарма ничего не делаю.

– Ты же получишь долю с клада! – воскликнул Воронов.

– Я ее и так получил бы.

– Сколько ты хочешь сверх того, прямо сейчас?

– Десять гривен.

– Целый рубль? Не дорого ли ты оценил голову наместника паршивого городишки?

– Нет, вовсе не дорого. По-моему, в самый раз будет.

Торговаться не имело смысла. Воронов знал, что Тучко не уступит ни копейки. Посему он достал мошну, которую всегда держал при себе, отсчитал сотню серебряных монет, на которых был изображен всадник с копьём, передал их купцу.

Тот взял деньги и сказал:

– Ныне ночью наместник помрет. – Он повернулся к образам, перекрестился.

Воронов скривился.

«Тебе ли молиться, душегуб», – подумал боярин, но промолчал.

Разговор был закончен, и он пошел из дома. Купец не стал провожать его.

Вскоре Воронов вернулся в село, на свое подворье. Вечерело. Кубарь и Горин еще спали. Боярин повелел Мирону разбудить Емельяна.

Пурьяк строгал доски, когда в мастерскую вошла жена.

– Козьма!

– Ну? – Мастер оторвался от работы и обернулся к ней. – Что, Любава? Ужинать пора?

– Ты удивишься, Козьма. К нам Емельян явился.

От неожиданности Пурьяк выронил тряпку, которой сбивал с одежды стружку.

– Кто? Брат мой названный?

– Он самый.

– А чего приехал, не сказал?

– Нет. Поздоровался со всеми, спросил, где ты. Я сказала, что в мастерской, сейчас позову, и пришла сюда.

– Странно. Чего надо Емеле? Он один?

– На починке один. Не знаю, есть ли кто в балке или у дороги в кустах. Пса же мы не держим. Тот почуял бы.

– Не люблю я их. Ладно, ты ступай в избу, накрой там на стол, водки достань. Я у родника обмоюсь, переоденусь и приду.

– Емельян Лане дорогой отрез на сарафан привез, Василию – сапоги, только великоватые.

– Ничего, на вырост. Но ты ступай.

Любава ушла.

Пурьяк дошагал до родника, обмылся по пояс, присел на камень, опустил ноги в ледяную воду. За день они припухли, устали, горели огнем.

«Что привело Емельяна сюда? – раздумывал он. – Договора об этом у нас не было. Деньги за товар, взятый с обоза псковских купцов, он мне передал, больше товара от меня не получал. Соскучился? Это вряд ли. Значит, дело ко мне у Емельяна.

Но какое может быть дело у холопа московского боярина? Или тот сам послал его в Тверь с каким-то поручением, а Емеля решил заодно и заглянуть к названному брату? Наверное, так оно и есть».

Козьма не заметил, как застыли ноги. Он вытащил из воды, начал растирать. В мастерской облачился в чистые портки и рубаху. Как был босиком, так и пошел к избе.

Она была большой, просторной, но бедной. На золото и серебро, спрятанное в тайнике, устроенном в подвале, Козьма Пурьяк мог бы отстроить настоящий дворец. Но он не тратил свое добро, берег, имел на него совсем другие виды.

Гробовых дел мастер вошел в светлицу, широко улыбнулся.

Со скамьи у стола поднялся Горин.

– Козьма! Приветствую тебя.

– Здорово, Емельян.

Названные братья обнялись.

– Каким ветром?.. – спросил Пурьяк.

– Разговор есть, Козьма, но не при всех.

Пурьяк удивился и спросил:

– А все, это кто? Любава, Василий и Лана? Разве они чужие?

– Нет, родные. Я хотел сказать, что есть разговор один на один.

Жена гробовых дел мастера и главаря шайки все поняла. Дети тоже были смышленные, уже взрослые. Они поблагодарили дядьку за подарки и вышли во двор.

– А как же ужин, Емельян?

– Я не задержусь у тебя, Козьма, и поел уже.

– Ничего не понимаю. Объяснись.

Горин с шумом выдохнул и заявил:

– Значит, так, Козьма, раскрыли меня на Москве.

– Что? Как это?

Ключник рассказал главарю шайки о разговоре с Толгаровым.

– Откуда же боярин прознал про наше родство? – спросил тот.

– Гонец вашего боярина Воронова сообщил ему об этом и о купце Сыче.

– Надо срочно в лес уходить, – принял решение Пурьяк, поднялся, но тут же сел на место и проговорил: – Нет, погоди. Коли узнали про меня все и хотели захватить, то спокойно сделали бы это в прошедшие будние дни. Однако этого не произошло. Почему? У тебя на это есть ответ?

– Есть, Козьма. Я приехал сюда по велению своего боярина Толгарова. Со мной был Лавр Кубарь.

– Холоп Воронова? Но что надо от меня боярам?

– Послушай одну историю, Козьма.

– Если ты о кладе, то мне все известно о нем.

Пришло время удивиться Горину.

– И ты уже?.. – начал было он, но Козьма прервал его:

– Нет, я еще не выжил из ума, чтобы нападать на царский обоз.

– Вот так, да?

– А ты как хотел? Одно дело купцы, совсем другое – царь.

– Верные слова.

– Так тебя боярин прислал рассказать мне о кладе?

– Нет. Он просил договориться о вашей с ним встрече. Скорой, срочной и тайной!

– Мне это зачем?

– Не знаю. Но Воронов очень просил. Видать, ты ему нужен.

– Но не он мне.

– А что будет, Козьма, если князь Микулинский проведает, что ты и есть Меченый? Успеешь в лесах схорониться до подхода его дружины? Или сейчас же все бросишь и уйдешь? Воронов вряд ли не продумал такого вот хода дела. А встретишься с ним и узнаешь, что надобно от тебя вельможам. Хотя это уже ясно. Речь наверняка пойдет о том же царском обозе. Да, ты вмещаешься в игру, зато получишь возможность в нужный момент из нее выйти или послать подальше этого Воронова. У него нет тех улик, которые позволили бы тебя схватить.

– Кому они нужны, эти самые улики? Их в пыточной добывают. Но в одном ты прав, Емеля. Коли Воронов прознал, кто я есть на самом деле, то мне следует встретиться с ним, а далее думать, как и что делать. Передай князю, что я буду ждать его через два часа после полуночи у Черного леса и Гиблой рощи, там, где стоит дуб, расщемленный молнией. Пусть явится один. Тогда и разговор будет.

Горин повторил, чтобы запомнить покрепче:

– Через два часа после полуночи у Черного леса и Гиблой рощи, где дуб, в который ударила молния, одному.

– Да!

– Хорошо, передам, Козьма. Ты уж извиняй, что так вышло.

– За что извинять, брат? Вопрос в том, кто меня сдал боярину? Ведь этот пес здесь, где-то рядом, скорее всего в моей шайке. Найти бы его да приласкать хорошенько.

– Коли тебе придется соглашаться на предложения боярина, выстави условия, потребуй, чтобы он назвал изменника, – посоветовал Горин.

Пурьяк внимательно посмотрел на него, ухмыльнулся и сказал:

– Ты прав, Емельян. Он ведь скажет. Что ему до изменника, коли от меня зависит гораздо больше? Так и сделаю.

– Тогда я поехал.

– Может, все же отужинаем вместе?

– Нет, Козьма. Душно у тебя в доме, тяжело как-то.

– Ну-ну! Езжай. Семье ни слова.

– Конечно, брат. Увидимся!

– Может, и увидимся.

Горин уехал. Вернулась семья. Жена Пурьяка села рядом с ним на скамью и спросила:

– Почему твой брат у нас не остался и зачем приезжал?

– Это не твоего ума дело, Любава. Хозяйством занимайся.

– Не хочешь говорить? А хозяйство у меня в порядке.

– Подавай на стол.

После ужина Любава вышла во двор. Пурьяк подозвал сына и спросил:

– Василий, как там наш конь?

– А что с ним будет? Стоит в стойле. Ячмень я ему давал, воду. – Сын гробовых дел мастера с удивлением взглянул на отца и спросил: – А ты куда-то собираешься?

– Собираюсь. А вот куда, знать не след никому.

– Но матушка спросит.

– Скажешь, отец не сказал.

– Ладно.

Любава уже стояла в сенях и слышала этот разговор.

Она подошла к мужу и спросила:

– Далеко ты наладился, Козьма?

– Лишние вопросы задаешь, жена.

– В лес?

Любава, конечно, была в курсе того, что ее муж промышлял не только гробами.

– Не твое дело. Замолчи и постели постель.

– Так я не пойму, ты уезжаешь или ложишься спать?

– Делай, что сказано.

Любава застелила постель, отправила сына с дочерью спать, легла рядом с мужем, обняла его. Пришлось Пурьяку утешать ее, иначе не отстала бы.

Через час после полуночи он поднялся. Проснулась и жена.

– Тебе пора ехать? – спросила она.

– Да.

– Собрать что-то в дорогу?

– Не надо, спи.

– Надолго хоть уезжаешь?

– Нет. К утру дома буду.

Пурьяк оделся, прошагал в конюшню, на ощупь сноровисто оседлал коня, вывел его во двор, привязал к городьбе и

обошел свой починок. Он имел звериный нюх и острое зрение. Но сколько ни напрягался, ничего лишнего в ночи не услышал и не увидел.

Пурьяк вытащил из-под крыльца саблю, закрепил ее на поясе. В голенища сапог опустил ножи. Потом он запрыгнул в седло и направил коня к воротам.

За ними всадник повернул влево. Далее конь пошел сам. Он хорошо знал дорогу. Чуть позже хозяин повернул его от леса и повел по тропе, тянущейся между лесным болотным массивом, именуемым Черным, и Гиблой рощей.

У обгоревшего расщепленного дуба Козьма остановился, огляделся, прислушался. Потом он провел коня в балку, где росли молодые березы, там спешился с коня, поводья кинул на ветви. Пурьяк лег на склоне, откуда мог видеть дорогу, идущую от города, поле, опушки леса и рощи.

Лежал он недолго. Вскоре слух его уловил шелест травы, фырканье жеребца.

Вскоре на поляне появился всадник. Он не гнал коня, ехал спокойно, тоже осматривался.

Пурьяк издали узнал боярина Воронова. За ним никого не было. Один ехал, как они и договаривались. Вот только зачем?

Воронов остановил коня у дуба, опять огляделся и пробубнил себе под нос:

– Неужели не придет? Испугался он?

– Кто испугался, боярин? Козьма Пурьяк? И кого? Не тебя

ли?

Воронов вздрогнул и заявил:

– Фу ты, леший, испугал-то как!

– А ты не бойся, боярин. Коли зла не держишь, подлости не удумал, то и страшиться нечего.

– Да не меня ты испугал, а коня. Видел, как он дернулся?

– Молодой еще. Слезь. Не след мне с тобой снизу вверх речи вести. Здесь и сейчас нет вельможи и простолюдина.

Боярин соскочил с коня, привязал его к дубу. Жеребец вел себя беспокойно.

К нему подошел Пурьяк. Он погладил коня по загривку, что-то шепнул ему на ухо, и тот успокоился.

Боярин очень удивился этому и спросил:

– Ты что ему сказал-то?

– Это наше с ним дело. Говори, зачем звал.

– На разговор звал. Он будет очень серьезный.

Пурьяк кивнул и заявил:

– Тогда, чтобы разговор этот не закончился, даже не на-чавшись, поведай-ка мне, Всеволод Михайлович, кто донес тебе, что Меченый – это я?

– Не могу, Козьма. Это не моя тайна.

– А чья? Ведь не князя Микулинского! Тот уже извел бы всю мою семью, если бы узнал об этом.

– Не князя. Микулинский считает, что Меченый – это Брыло.

– Чья тайна?

– Не могу сказать, Козьма, не проси.

– Воля твоя, боярин. Но тогда и разговора у нас не будет.

– Вот ты меня в испуге попрекнул, а сам не боишься, что семью твою и без князя извести могут?

Пурьяк повысил голос:

– Грозишься?

– Вынуждаешь.

Козьма усмехнулся и проговорил:

– А что мне пугаться? Ты сейчас держишь своих людей у починка? Наказал им, чтобы они брали Любаву и сына с дочерью, если ты в такое-то время не вернешься, да? Грозный ты человек, боярин. Однако твои люди вернут мне семью, как только прознают, что тебе грозит лютая смерть. Ты же сейчас у меня в руках.

– Не с того мы разговор начали, – сказал Воронов.

– Верно. А чтобы серьезно говорить, скажи про доносчика. Кто это?

– Ладно, но обещай, что не тронешь его, покуда...

Главарь шайки оборвал боярина:

– Мне решать, что делать с продажной собакой. Кто?

– Микола Лосев, – выдохнул Воронов.

Пурьяк крайне удивился.

– Микола? Кум мой, который прежде работал у купца Дмитрия Прохоровича Сыча?

– Он самый и есть, Козьма.

– Ты брешешь.

– Нет, правду сказал.

– Побожись.

– Христом богом клянусь! – Боярин перекрестился.

– Как же это он? Ведь столько лет вместе. Он служил Сычу верой и правдой. Мой кум, крестный Васьки. Как мог? Поймали на чем? Заставили? – проговорил Пурьяк.

– Нет. Сам ко мне пришел. Обидел ты его, Козьма, когда добычу делил. А ему надо было на приданое дочери.

– Поэтому он меня и сдал?

– Не только. Лосев понял, что рано или поздно ты бросишь свою шайку. Наберешь добра побольше и уйдешь к литвинам или полякам.

– Это тоже он сказал?

– Да. Бросит, мол, нас всех Козьма, не поведет всю братию за пределы Руси. А что тогда нам делать? Загибаться на болотах? Дорога из лесу закрыта будет. Да и коли выйдем, то все одно под топор палача угодим. Попросил заступничества. Я обещал, что никто ни Миколу, ни семью его не тронет, коли он будет доносить на тебя. Так узнал, что Меченый – не Игнат Брыло, а ты, гробовых дел мастер Козьма Пурьяк, хорошо известный по всей округе.

– Кто еще, кроме тебя, о том ведает? – спросил главарь шайки.

– Боярин Толгаров, ключник его, то бишь твой названный брат, холоп мой Лавр Кубарь. Ну и Сыч, но с тем ты сам дела делал. Больше никто.

– Значит, Микола? Вот от кого не ожидал. Правду говорят бывалые люди. Ищешь врага кровного, присмотришься к друзьям ближним. Ты, боярин, отдашь его мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.